

Посвящается Лорне

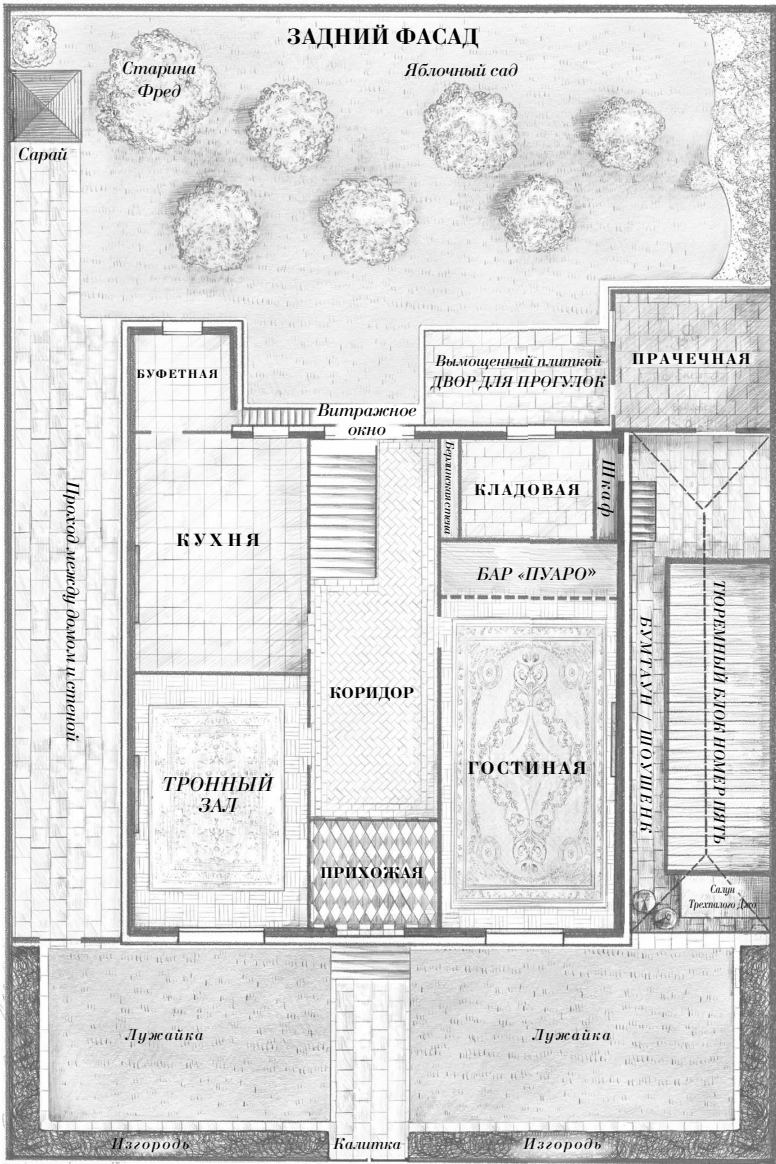
Если сравнить горести реальной жизни с удовольствиями жизни вымышленной, то не захочешь жить, лишь грезить вечно.

*Александр Дюма
«Граф Монте-Кристо»*

Выбор всегда прост: либо начни жить, либо начни умирать.

*Стивен Кинг
«Побег из Шоушенка»*

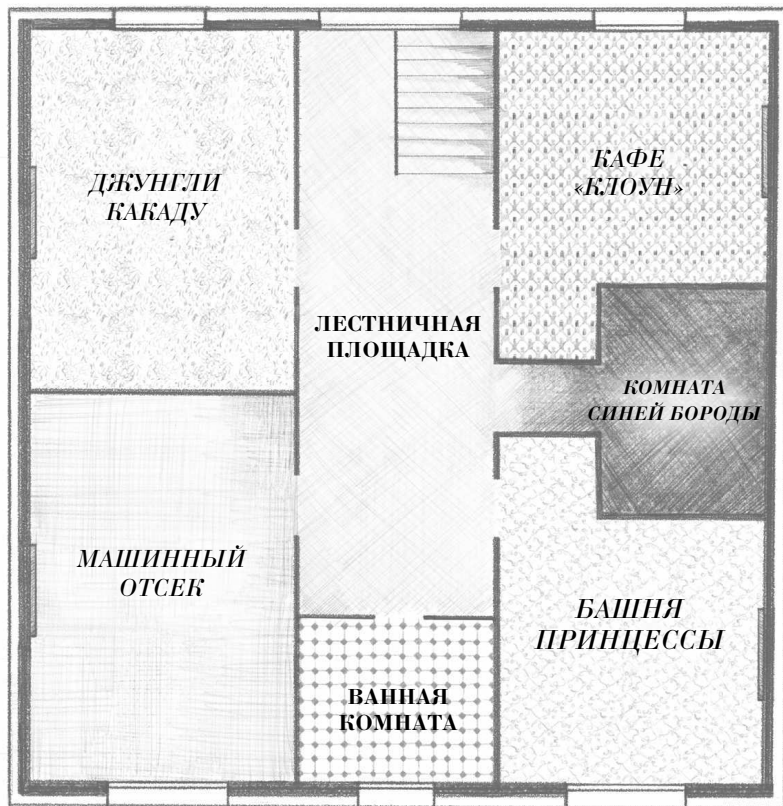
ПЕРВЫЙ ЭТАЖ

ФАСАД

ЗАДНИЙ ФАСАД

*Витражное
окно*

ФАСАД

Пролог

5 сентября 1998 года

Небо пылало розовым. Лучше розовое, чем красное, напомнила Эл, когда нам снова стало страшно. Как любил повторять наш дедушка, «солнце красно поутру — моряку бояться нечего». Холодный ветер крепчал. По лицу Эл текли слезы, а я никак не могла унять дрожь.

Мы держались за руки и шли на запах моря, пока ряды многоэтажек не слились в один огромный мрачный дом, где жили убийцы детей. Мы никого не видели и не слышали — будто снова очутились в Зеркальной стране. Напуганные, зато невредимые.

Между тем запах моря усиливался. В гавани пахло тавотом, мазутом, металлом и солью. Чайки просыпались и кукарекали, словно петухи. Мы остановились возле темного деревянного склада. Перед ним были кран, с которого на ржавых цепях свисал крюк, и каменистый склон, исчезающий под водой.

Наступил прилив — единственное время, когда можно выходить в открытое море.

Эл крепче сжала мою руку, и мы оглядели качающиеся на волнах круглые буи, длинные понтоны, белые яхты с дребезжащими железными мачтами и танкер на горизонте. Ничего подходящего. Мы пришли сюда не за этим.

Я порылась в рюкзаке, достала мамину пудреницу и промокнула щеки Эл.

— У тебя глаза красные, — прошептала я.

— А у тебя кровь идет, — напомнила сестра охрипшим голосом, хотя в ту ночь больше кричала я.

— Чего это вы, девчонки, делаете тут посреди ночи? — В слепящем свете фонаря стоял незнакомец, выглядевший именно так, как говорила мама: морщинистый, щербатый, с седой косматой бородой. Старый морской волк.

— Я — Эллис, — сказала Эл и впилась мне в руку ногтями, хотя ее голос оставался спокоен, как вода в гавани. — Это моя сестра-близнец, Кэтриона.

— Да ну?

Старик, пошатываясь, подошел ближе, и от него пахнуло ромом. Я храбро расправила плечи, стараясь не обращать внимания на выпрыгивающее из груди сердце.

— Мы ищем пиратский корабль — хотим наняться в команду.

Незнакомец выругался — дедушка тоже использовал это слово, хотя больше любил другие выражения, — и отпрянул. Глаза его вытаращились, как на ритуальной маске племени гребо из Кот-д'Ивуара, что в Западной Африке. Мы видели такую в дедушкиной энциклопедии.

— Стойте тут, никуда не уходите!

— Корабль скоро отплывает? — прокричала ему вслед Эл, но он уже скрылся в тени склада.

Дверь скрипнула и со стуком захлопнулась. Эл взглянула на меня, закашлялась и выпустила мою руку.

— Ой, Кэт, мы совсем забыли про твой свитер!

Я так перепугалась, что перестала дышать. Уронив рюкзак, сбросила пальто и при помощи Эл принялась поспешно стягивать через голову свитер, словно тот кишел пауками. Мокрая тряпка упала на каменистую землю, и на меня пахнуло кислым, теплым запахом.

— Что будем делать? — с тревогой спросила Эл. — Он же скоро вернется!

Сестра обежала склад, нашла ржавое причальное кольцо и начала привязывать к нему свитер, затягивая рукава морскими узлами. Я бросилась помогать, хотя замерзшие пальцы

почти не слушались. Забросив свой груз подальше в неспокойные воды гавани, мы с Эл поднялись по каменистому склону, едва переводя дух и изо всех сил стараясь не плакать.

Внезапно ветер переменился и оттолкнул нас от края. Мне снова почудился запах крови: кислый и темный.

— Бывалый моряк не покинет порт в пятницу, — прошептала я.

— Сегодня суббота, балда! — напомнила Эл, крепко сжав мою руку.

Но я знала, что ей так же страшно, как и мне, и тоже хочется вернуться.

— Думаешь, справимся, Эл?

Мы смотрели на гавань, на маленький островок Инчикит, на танкер на горизонте. Дрожа от холода, держались за руки и стояли так близко, что слышали биение сердец друг друга, а над Северным морем медленно вставало солнце, заливая небо багрянцем. На лице сестры расплывалась широкая страшная улыбка, которую она сдерживала, пока мы брели в темноте по бесконечным пустым улицам. Ее не смогла стереть ни сирена, ни скрип и хлопанье двери склада. Эл продолжала улыбаться как ни в чем не бывало.

— Мы не покинем друг друга никогда-никогда. Повтори!

— Никогда, — прошептала я.

— До тех пор, пока мы живы!

Раздались шаги, кто-то громко выругался. Свет фонаря ослепил нас, и мы больше не видели гавань, только друг друга. Эл сжала мою руку еще крепче, и я нервно сглотнула, наблюдая, как ее улыбка становится резче и постепенно исчезает.

— Мы о вас позаботимся, — заверил уже другой мужчина, не Старый морской волк.

Женщина с добрыми глазами и не таким слепящим фонариком шагнула к нам, протягивая руку.

— Теперь все будет хорошо!

* * *

В тот день и началась наша вторая жизнь.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Когда сестра умерла, меня не было с ней рядом.

Звонил Росс, оставил с десяток голосовых сообщений — одно отчаяннее другого. Я слушала знакомый голос, за годы ничуть не изменившийся, и едва понимала, о чем он говорит.

Томительное семичасовое ожидание в аэропорту Джона Кеннеди сводит с ума, и я включаю ноутбук. Сажу в шумном бистро, забыв про свой чизбургер, и прокручиваю три репортажа на сайте новостей Би-би-си для Эдинбурга, Файфа и Восточной Шотландии. Наверное, мне должно быть стыдно, что первым делом я смотрю на фотографию Росса и уже потом на жирный заголовок: «Тревога за пропавшую женщину из Лейта растет».

Первое фото озаглавлено: «День первый, третье апреля», хотя на нем уже ночь. В кадре Росс шагает вдоль невысокой каменной стены гавани между двумя серебристыми фонарными столбами. Он явно взволнован: плечи сторблены, кулаки сжаты. Фотографу удалось поймать в кадр яркие огни оранжево-синего судна спасателей, лицо Росса обращено к застывшей яростной волне, разбивающейся о причал. В своих сообщениях он упоминал, что вскоре после исчезновения Эл разыгрался шторм... Можно подумать, я не отвечала на звонки лишь из-за того, что не знала этой ужасной подробности!

Прежде чем отваживаюсь посмотреть первое видео, я выпиваю два бокала мерло в темном, уютном баре подальше от

шумного бистро. «День второй, четвертое апреля». И даже тогда, увидев на экране фото Эл — сестра в шелковой блузке заразительно смеется, запрокинув голову, волосы оттенка серебристый блонд, стрижка боб, — я морщусь, нажимаю на паузу и закрываю глаза. Эту позу она называла «чертова девственница». Смущенно провожу по своим спутанным отросшим волосам. Допиваю вино, заказываю еще, и официант смотрит на экран моего ноутбука так долго и пристально, что я опасаясь, не хватил ли его удар. Потом, конечно, понимаю, в чем дело. Он думает, что фото мое. Заголовок над ним гласит: «Элис Маколи жива или мертва?»

Я вынимаю наушники и поясняю:

— Это моя сестра-близнец.

— Сожалею, мэм, — говорит официант с ослепительной улыбкой, и в его голосе не звучит ни капли сожаления.

Постоянные улыбки и вечное «мэм» меня выматывают, прямо-таки приводят в бешенство. Вот уж по чему я не буду скучать, покинув Америку! При мысли об этом мне становится только хуже. Вспоминаю свою квартиру на Пасифик-авеню с окнами на шумную веселую набережную и Пляж мускулов. Жаркие ночи в клубах, где пот буквально струится по стенам. Бирюзовая прохлада океана, который я просто обожаю...

Отпиваю большой глоток вина, снова надеваю наушники, включаю видео. Фото Эл сменяется изображением девушки-репортера: молодая и серьезная, лет двадцати с небольшим, волосы яростно треплет ветер.

— Утром третьего апреля жительница Лейта Элис Маколи, тридцати одного года, вышла на яхте из Грантона, что в заливе Ферг-оф-Форт, и больше ее не видели.

Камера отъезжает от яхт-клуба, чтобы показать на западе железнодорожный и автомобильный мост в Куинсферри, затем поворачивается на восток к скалам возле Эрлсферри и Норт-Берика. Между ними — серый залив, на противоположном берегу — пологие холмы Кингхорна и Бернтайленд. И снова гавань: на волнах качаются круглые буи, длинные плавучие причалы, белые парусные яхты с дребезжащими

мачтами. Я вздрагиваю, увидев пологий каменистый спуск к воде. Другой кран, старого склада уже нет.

Это же та самая гавань! За пару десятков лет она почти не изменилась. По спине пробегает холодок. Страх не отпускает меня с тех самых пор, как на телефон хлынул поток голосовых сообщений. Я снова тянусь к бокалу и с облегчением вижу, что камера переключается с гавани на записи со спасательных судов и вертолетов.

— Тревогу подняли, когда Эллис Маколи не вернулась в яхт-клуб «Роял Форт» и стало ясно, что она не добралась до места назначения в Анструтере. К поискам привлекли береговую охрану и Национальное королевское общество спасения на воде, но их работу значительно затруднили плохие погодные условия.

В камеру пристально смотрит мужчина — щекастый, почти лысый и серьезный, как и репортер, с нездоровым блеском в глазах. Руки сложены на груди над огромным животом, внизу экрана надпись: «Джеймс Патон, руководитель поисково-спасательной операции береговой охраны Ее Величества, Абердин».

— Мы знаем, что Эллис Маколи была опытным яхт-сменом...

Да неужели? Первый раз слышу!

— Однако, учитывая скорость ветра в заливе утром третьего числа, мы предполагаем, что женщина пропала часов за шесть до того, как подняли тревогу. — Руководитель операции умолкает, и, хотя его снимают выше пояса, видно, что он меняет положение ног, становясь в позу ковбоя, и пожимает плечами. — За последние семьдесят два часа температура в заливе не превышала семи градусов Цельсия. В таких условиях человек вряд ли продержится на воде дольше трех часов.

«Вот урод», — думаю я. В голове звучит голос Эл.

Камера возвращается к девушке-репортеру, делающей вид, что ее ничуть не заботит испорченная прическа.

— Итак, учитывая ухудшившиеся погодные условия, в конце второго дня поисков надежда на благополучное возвращение Эллис Маколи стремительно тает.

Экран заполняет фото Эл с Россом на отдыхе — оба загорелые, сверкают белозубыми улыбками; он обнимает ее за плечи, она запрокидывает голову, готовая рассмеяться. Понимаю, почему репортаж такой подробный. Красивая пара. Они смотрят друг на друга так, словно очень голодны и одновременно довольны. От их близости мне становится не по себе, от вина появляется изжога.

Беру телефон, открываю погоду. Для меня Эдинбург по-прежнему на втором месте после Венис-Бич. Никогда не задумывалась, почему всегда смотрю его метеосводку. Шесть градусов и сильный дождь. Всматриваюсь в темноту за окном, вдали маячат белые линии взлетно-посадочных огней.

В Великобритании всего шесть утра, но уже есть новое видео: «День третий, пятое апреля». Не буду смотреть! Я и так знаю, что ничего не изменилось. Эл не нашли, да этого никто и не ждет. Внизу еще одна заметка, опубликовали меньше двух часов назад. «Муж-доктор пропавшей женщины из Лейта теряет надежду». При виде фотографии у меня перехватывает дыхание. На Росса больно смотреть. Он сидит на корточках у невысокой стены, прижав колени к подбородку. Рядом с ним стоит мужчина в длинной куртке с капюшоном и что-то говорит, но Росс явно не обращает на него внимания. Он смотрит на залив, рот полуоткрыт, зубы стиснуты в стоне отчаяния и невыносимого горя.

Со стуком захлопываю ноутбук и залпом допиваю вино. На меня оборачиваются. Руки дрожат, в глазах печет. Перелет из Нью-Йорка в Эдинбург долгий, но недостаточно. Я отдала бы все что угодно, лишь бы не возвращаться никогда!

Встаю, беру ноутбук, бросаю на стол двадцатку и иду в другой бар — больше не вынесу непрерывных «мэм» официанта. На ногах я держусь нетвердо; наверное, стоило съесть тот чизбургер... Неважно. Уже ничего не важно. На меня все еще оборачиваются, и я гадаю, не сказала ли это вслух. Потом понимаю, что иду и трясу головой. Я должна верить, что ничего не изменилось, что мой страх и гнетущая паника ничего не значат. Вспоминаю Эдинбург, Лейт,